

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-47-54
УДК 32.019.5(045)

Цивилизационные основания межэлитного взаимодействия в современной России

А.И. Сперкач

Финансовый университет, Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0001-6399-5162>

АННОТАЦИЯ

Акцент в статье сделан на отсутствии устойчивых идеологических оснований в функционировании российских элит и последствиях подобного положения как в общих, так и в частных вопросах социально-политического бытия нашей страны. Современное взаимодействие правящих и неправящих элит (подчиненное и во многом даже бесправное положение вторых) рассматривается как традиционное для России, имеющее исторические положительные и отрицательные следствия. В частности, ослабление политической, административной силы и воли политического центра практически всегда провоцирует открытый бунт местных и неправящих элит против него. Констатируется повышение трений на современном этапе между федеральным центром и региональными элитами, что потенциально может иметь серьезные негативные политические последствия. Отвергаются представления, выводящие на первый план достижение тех или иных экономических показателей в рамках лишенных целостных идеологических основ тактических пилотных проектов. Конфликт России с Западом (идеологией глобализма) трактуется в первую очередь как идейный, материальные его аспекты имеют второстепенный характер. По мнению автора, в России детерминированно возобладает та или иная форма идеократии, вопрос лишь в том, какая идеология и ценности будут являться для нее основой.

Ключевые слова: элита; идеология; идеократия; цивилизация; глобализм

Для цитирования: Сперкач А.И. Цивилизационные основания межэлитного взаимодействия в современной России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(3):47-54. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-47-54

ORIGINAL PAPER

Civilisational Foundations of Inter-elite Interaction in Modern Russia

A.I. Sperkach

Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-6399-5162>

ABSTRACT

In this article, the author emphasised the absence of stable ideological foundations in the functioning of the Russian elites and the consequences of such a situation both in general and in particular issues of the socio-political life of our country. The everyday interaction of the ruling and non-ruling elites (the subordinate and in many respects even the powerless position of the latter) is viewed as traditional for Russia, having historical positive and negative consequences. In particular, the weakening of the political, administrative power and will of the political centre almost invariably provokes an open revolt of local and non-ruling elites against it. An increase in friction at the present stage between the federal centre and regional elites is noted, which can potentially have serious negative political consequences. The idea is rejected that bring to the fore the achievement of certain economic indicators within the framework of tactical pilot projects devoid of integral ideological foundations. The conflict between Russia and the West (the ideology of globalism) the author interpreted as ideological; its material aspects are of a secondary nature. In the author's opinion, this or that form of ideocracy will deterministically prevail in Russia; the only question is what ideology and values will be the basis for it.

Keywords: elite; ideology; ideocracy; civilisation; globalism

For citation: Sperkach A.I. Civilisational foundations of inter-elite interaction in modern Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta* = *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(3):47-54. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-47-54

Затронутые в данной статье темы сами по себе настолько масштабные и разноплановые, что излагать их в небольшой по объему статье возможно только в форме редуцированных выборочных тезисов, поневоле носящих декларативный и спекулятивный характер. Многие из приводимых в представленном тексте императивных утверждений нуждаются в оговорках и уточнениях, которые автором не делаются, но вполне осознаются.

В тех случаях, когда речь ведется об элитах (федеральных, национальных, местных, промышленных, технократических и т.п.), автор исходит из постулата о множественности элит и их в первую очередь социокультурной природе. Из чего следует вывод о ключевом значении ценностных, идеологических установок для формирования и выживания любых политических элит ровно в той степени, в какой они в исторической перспективе собираются сохранять свой статус.

В данной статье понятия «федеральный центр», «политические акторы», «политические элиты», «национальные элиты» (подразумевается — доминирующие политические акторы и элиты общероссийского масштаба) близки понятию «властвующие элиты» Р. Миллса. Ровно так же, по аналогии со взглядами этого исследователя, представители региональных элит, состоятельные люди «старой и новой формации... в крупных и мелких городах и в сельской периферии» и даже большинство, по формальным признакам, федеральных политиков (у Р. Миллса, писавшего про США, тут фигурируют «профессиональные политики из средних звеньев власти, принадлежащие к кругам конгресса») [1, с. 24] в «федеральный центр» не входят.

Вполне очевидна внутренняя двойственность и противоречивость любого политического объекта [2], обусловленная различными составляющими его внутренней структуры, наличием имманентного группового и личностного соперничества и т.д. Разумеется, «федеральный центр» даже в принятом узком понимании не является монолитным: разнонаправленные политические устремления различных его составляющих («башен Кремля») вполне можно считать трюизмом. Принимая данную очевидную практически для всех элитных групп оговорку, автор в рамках настоящей статьи оперирует усредненными, общими для этих страт характеристиками.

Закрытость системы принятия ключевых решений, администрирования в современной

России, недетерминированность человеческого поведения, вероятностный характер в объяснении многих процессов, связанных с функционированием и целеположением элит, использование автором закрытых источников информации — все это следует учитывать, обращаясь к содержанию настоящей статьи. В общетеоретическом плане автор в основном следует за положениями классиков теории элит. Разумеется, принимаются не все без исключения их выводы и подходы. Например, неверным является представление Г. Моска об автократическом и либеральных способах передачи власти, при которых она передается соответственно сверху вниз или снизу вверх. Власть никогда, даже в революционные периоды, не передается снизу. Другое дело, что между элитными группами, представителями конкурирующих идеологических течений ведется борьба за обладание ресурсом массовой поддержки, который может обеспечить различные формы и степени доминирования, и который в определенных исторических ситуациях временно приобретает значение ключевого фактора в борьбе за власть.

Если использовать терминологию самого Г. Моска, в современных сложных обществах ядро «класса управляющих» никогда не определяется «классом управляемых». «Организованное меньшинство» всегда формируется первой из этих страт или в революционные периоды рекрутируется из более широкой категории «политического класса», включающего и существующую оппозиции [3]. В области политических идей вторичная роль «класса управляемых» («масс») может быть проиллюстрирована утверждением Р. Миллса о том, что решительные перемены в политической жизни США, которые можно даже было охарактеризовать как «перевороты», не сопровождались «какой-либо решительной идеологической борьбой за овладение массами» [1, с. 369]. Таким образом, идеологическая борьба длительное время, по сути, разворачивалась исключительно в среде элит, не затрагивая широкие слои населения. Другое дело, что такая ситуация начала меняться: уничтожение сакральных основ гражданской религии США, которым в последние десятилетия целенаправленно занялась часть элиты (причем элиты правящей) этой страны, коренным образом изменило положение, хотя и сейчас «массы» являются объектом, а не субъектом данного процесса.

В контексте настоящей работы значимой и интересной проблемой является взаимосвязь ценностных и идейных представлений, характерных для «элит» и «масс». Даже в случае контрарного их расхождения подобная взаимосвязь (и взаимовлияние) существуют. В России они являются вполне значимым, хотя и второстепенным фактором, благоприятным для формирования самостоятельной (в том числе идейно) национальной элиты.

Под условным «Западом» подразумеваются зарубежные правящие элиты, действующие в общей парадигме идеологии глобализма, которые во все большей степени актуализируют идеократическую модель руководства обществом. При этом данное определение постепенно утрачивает привязку к конкретным странам, сохраняя ее только отчасти.

В рамках российской цивилизационной модели следует отметить способность политического Центра к концентрации материальных ресурсов зачастую вопреки частным интересам и пожеланиям элит другого уровня, в частности региональных. Отзвуки теории Энтони Смита могут восприниматься как архаизм, однако с определенной точки зрения в традиционной политической обособленности имперских (федеральных) российских политических элит — обособленности, разумеется, относительной — присутствуют неизгладимые черты глубоко укорененной латеральности. Высокая степень политического бесправия (также, разумеется, относительного) периферии по отношению к центру определяет и поддерживает такую ситуацию. Ее причины носят исторический характер, закреплённый успешными ответами на целый ряд стратегических вызовов, и, с понятными оговорками, они характеризуют и Московское царство, и Петровскую империю, и СССР, и, как все более отчетливо проявляющаяся тенденция, Российскую Федерацию XXI в.

В рамках такой традиционной модели ресурсы последовательно изымаются из регионов (из распоряжения, используя терминологию Вильфредо Парето, неправящих элит), аккумулируются, отчасти — по регионам же перераспределяются, отчасти — обеспечивают возможность проведения стратегически важных проектов (освоение Арктики, модернизация нефтеперерабатывающей отрасли, усилия в области вооружений и т.п.), отчасти — «растворяются» в оффшорах и т.п. К слову, пресловутое продвижение «технократов» на должности глав регионов — не просто полити-

зированная управленческая централизаторская практика, но необходимое условие и прелюдия все большего перекачивания региональных ресурсов «в пользу» единого федерального распределительного центра.

Отдельные региональные элиты, занимающие автономное и более или менее политически независимое положение в отношении с центром, расширительно тоже можно характеризовать как правящие. Например, элиты Чечни (этнократический режим Р. Кадырова) или Татарстана. Однако они в общероссийском контексте представляют не правило, а исключение.

Федеральный центр, используя исторически проверенный прием концентрации ресурсов, пытается преодолеть системный кризис, продвигая экономические проекты, которые в дальнейшем должны стать драйверами развития, точками роста страны. Параллельно ведется вынужденная локальная контригра против условного Запада и его союзников. Между тем, если обратиться к недавнему опыту, по возможности реализации подобных экономических проектов и тем более проведения самостоятельной, в том числе силовой политики в различных регионах мира, потенциал современной России несопоставимо ниже возможностей позднего СССР. Это, однако, не уберегло советский проект от исторического провала, истоки которого находились как раз в области идеологии, мировоззренческих и ценностных установок. Провал в этих сугубо «нематериальных» сферах не позволил конструктивно использовать гигантские материальные и научно-технические ресурсы Советского Союза.

При этом все мобилизации в рамках российского исторического опыта, от периода Московского царства до «сталинской индустриализации», проводились в условиях жестких мессианских идейно-политических установок, — важнейшем факторе, без которого подобные действия не могли сколь-нибудь успешно осуществляться.

Достаточно распространено убеждение, будто главная угроза дестабилизации в современной России связана с бедностью значительной части населения [4]. Между тем, связь социальной стабильности, социальных предпочтений, способности к развитию и выживанию с уровнем благосостояния в обществе не имеет характера прямой зависимости [5].

Раскол элит — в первую очередь противостояние элит федеральных и региональных (считая этнократические) — в гораздо большей степени

чреват необратимыми социально-политическими потрясениями.

В последние годы нарастает раздражение местных элит исторически вполне традиционной «централизаторской» политикой Центра, которая все меньше соответствует социальным ожиданиям региональных акторов (по имеющейся инсайдерской информации — вплоть до высокопоставленных региональных чиновников). В настоящий момент закладываются основы того качественного разделения различных уровней элит, которое представляет смертельную угрозу для России как единой страны и ядра отдельной цивилизации.

События в Хабаровске, связанные с арестом губернатора Фургала, показали существенное изменение в общественных и, что более важно, в элитных настроениях.

Можно констатировать кризис архетипической роли Центра в качестве грозной карающей силы, роли, которая практически всегда вызывала благожелательный массовый отклик на арест или преследование силовиками практически любого высокопоставленного чиновника, в том числе чиновника регионального.

Показательна реакция абсолютно провластных политологов на арест пензенского губернатора Ивана Белозерцева, который, по факту, они связали не столько с всемерно одобряемой антикоррупционной борьбой, сколько с переделом фармацевтического рынка (<https://ura.news/news/1052476830>).

Налицо имиджевый кризис федерального центра: даже в умеренно ангажированной экспертной среде подорвана вера в чистоту его «антикоррупционных помыслов» и ведется поиск иных обоснований громких акций силовиков.

Политологи в протестных выступлениях 2021 г. небезосновательно выделяют «региональный» тренд: «Судя по косвенным данным, оппозиционные акции на местах латентно поддерживают, а где-то и стимулируют региональные элиты, а также региональный криминалитет» [6].

Правда, тут следует оговориться, что в российских условиях региональный фактор может приобрести ключевое значение только в случае раскола самих правящих элит. На сегодняшний день федеральный центр демонстрирует достаточно высокий уровень контроля за региональными акторами, в случае необходимости легко «ломая» даже устоявшиеся в течение десятилетий тесные связи экономических тяжеловесов

со своими региональными партнерами. Давние тесные контакты с одним из богатейших людей России Алишером Усмановым, очень серьезные позиции в местном бизнесе, очевидные, почти уникальные социально-экономические достижения вверенного его попечению региона, вхождение в руководящие органы партии власти («Единой России»), уверенная победа на очередных выборах не смогли уберечь главу Белгородской области Евгения Савченко от отставки, после того, как федеральный центр твердо взял курс на его отстранение.

Как правило, рост межэлитного напряжения, напряжения по линии «Центр-регионы» связывают с сокращением ресурсной базы, политическими и социально-психологическими последствиями пандемии, поколенческим фактором и т.п. В период так называемого сталинского правления (во всяком случае, некоторых его этапов) жизнь значительной части граждан СССР в целом вполне подпадала под эмоциональную характеристику «социальный ад». Несмотря на это, России того периода «было, что предложить» миру, она участвовала в глобальной конкуренции идей, пользовалась искренней массовой поддержкой, в том числе поддержкой и симпатиями многих западных интеллектуалов.

Можно вспомнить и относительную популярность маоизма в интеллектуальной среде самых богатых стран мира, наличие различных маоистских группировок, людей, готовых жертвовать жизнями под флагом этого учения в партизанских отрядах (особенно характерно для Латинской Америки). Таким образом, не только «социальный ад», массовый террор, но и экономические провалы отнюдь не детерминируют ситуацию, когда той или иной стране (цивилизации) «нечего предложить» своим соседям и миру. При этом, как в случае с Советским Союзом, так и КНР, масштабы материальной поддержки политических союзников вовне, уровень благосостояния, социальной благоустроенности собственных граждан не определяют интенсивность идейной и политической экспансии.

Следует обратить внимание на успешные на протяжении нескольких десятилетий конструктивные действия современных китайских элит, не порвавших с существующим в КНР идеологическим дискурсом. Еще нагляднее в этом смысле пример Индии — страны, исключительно пестрой этнически, абсолютно не преемственной в рамках нынешних своих границ, находящейся в перма-

нентном конфликте со своими соседями (к слову, двумя ядерными державами), с переплетением множества архаических черт и с элементами такого «социального ада», который тяжело представить даже жителям самого депрессивного региона России. Очевидная неэффективность современной российской элиты, по сравнению с вышеназванными, определилась изначально, заложенной еще в период ее формирования и обретения базовых идейных ориентиров, ориентированностью на всемерное ослабление роли государства, нацеленностью преимущественно на личное обогащение и дележ советского наследства (впоследствии — доступных бюджетов).

Примечателен изначально идейный инфантилизм и несамостоятельность российских постсоветских элит: так, ключевые проблемы общественного строительства должна была чудесным образом разрешать незримая рука всемогущего рынка. При этом подобная «идейно-политическая импотенция» не только являлась прикрытием понятных меркантильных интересов или информационным обеспечением производившегося максимально возможными темпами дележа советского наследства, но сплошь и рядом действительно отражала уровень и круг понятий новых «хозяев жизни», т.е. правящих политических элит России конца 80–90-х гг. Как следствие подобных качеств — отсутствие позитивной стратегической программы, конструктивного образа будущего, отсутствие у нашей страны артикулированных целей развития. Фатальность такого положения превратились практически в общее место.

Следует учитывать, что идеология не является агитационным прикрытием для элиты, обосновывающим те или иные спорадические ситуативные реакции на те или иные раздражители. Она определяет последовательность и целенаправленность действий элиты и не столько является инструментом в руках правящих групп и персон, сколько фактором, подчиняющим и, вместе с тем, объединяющим их, обеспечивающим последовательность, осмысленность и преемственность проводимого ими курса.

Систематизация политических взглядов и политических действий возможна только на идеологической основе и никак иначе.

Тут можно отметить относительно успешную работу национальных элит Татарстана. Причина — не в особых материальных условиях взаимодействия с федеральным центром (любые ресурсы, в конце концов, можно просто разворовать, под

каким бы лозунгом они не были «отжаты» у «Москвы»), но как раз в наличии хоть какого-нибудь позитивного, устремленного в будущее национального проекта, вокруг которого региональные элиты отстраиваются.

По существу и закрепленная конституционно норма деидеологизации, и настойчиво навязываемое отношение к образованию как к сфере услуг являются далеко не случайными действиями одного порядка, направленными на расчистку идейного поля для безраздельного господства уже готовых идеологических и ценностных рецептов: идей и ценностей глобализма. При таких подходах выработка и формулирование альтернативных установок, актуальных для российской цивилизации, затрудняется и перестает быть задачей российских политических, интеллектуальных элит (а сами они в перспективе уже в силу одного этого должны перестать быть политическими и субъектными). В финансовом и организационном плане глобальным центрам в «деидеологизированном» пространстве противопоставить абсолютно нечего. Это, в свою очередь, приводит к системному идейному кризису во всех сферах, например в работе по формированию лояльных России кадров в других странах. В тематической статье В.Ш. Сургуладзе показан уровень и масштаб возвращения квалифицированных высокомотивированных кадров в рамках идейно-политического глобалистского проекта. Российские реалии на этом направлении выглядят откровенно слабо, но вполне укладываются в парадигму «оказания услуг», когда иностранных учащихся (да и не только) рассматривают скорее как источник доходов и клиентуру, нуждающуюся в обслуживании, чем объект вложений в отдаленное будущее и предъявления жестких требований [7].

Отнюдь не надуманным оказывается вопрос о том, станут ли в перспективе лояльным России компонентом элит зарубежных стран даже те их представители, которые прошли обучение в нашей стране [8].

Справедливо утверждение, что Владимир Путин в начале своего правления «предпринял попытки выработать пусть и временную, но объединяющую идею». При этом им «было поручено подобрать гибкую идеологическую схему» [9]. Однако «гибкость» не является характеристикой базовых ценностей. Точно так же, как определяющие принципы не могут быть временными: им имманентно присущи качест-

венно другой хронологический масштаб и иное целеположение, — основы гражданской религии (а ведь речь идет, в том числе, о ней) должны во многих своих частях обладать жесткостью, определенностью и устойчивостью, претендовать на вневременной характер (во всяком случае, оперировать масштабом в пределах жизни нескольких поколений). Попытка «подобрать гибкое» возможна в тактике при практическом разрешении различных политических проблем, но в идеологической и ценностной сфере — это путь к заведомому провалу.

Утверждается, в том числе профессиональными политологами, что с мюнхенской речи Владимира Путина 2007 г. пришло понимание того, что «Россия — не идеологический противник, а экономический и политический конкурент в объективном соперничестве за ресурсы планеты, необходимые для устойчивого развития национальных государств». С.И. Бойко в своей статье настоятельно акцентировал внимание именно на «неидеологическом» характере конфликтных отношений с Западом: «Конфигурация экономических коалиций, политических и военно-политических блоков будет меняться, и не по идеологическим мотивам, а по причинам явного противодействия глобального политического истеблишмента многополярному мироустройству, которое пока не получило сколько-нибудь детерминированный проект или даже политический абрис» [10].

Скорее всего, именно «неидеологическая» трактовка происходящего возобладала и в Кремле. Иначе сложно объяснить, что в скором времени после мюнхенской речи В.В. Путина «в России практически прекратилась политическая работа с молодежью» [11].

Между тем, сама по себе концепция «устойчивого развития национальных государств» в любом ее виде является неприемлемым глубоко идеологическим посылом, далеко не ограничивающимся конкуренцией за материальные ресурсы. Упоминание о «национальных государствах» в любом контексте, кроме контекста их планомерной ликвидации, является идеологической и мировоззренческой декларацией, гораздо более принципиальной и значимой, чем «борьба за ресурсы». Разумеется, идеология, мировоззрение не изолированы от упомянутых материальных оснований межцивилизационного или межгосударственного соперничества. Но сведение к материальным основаниям современного

конфликта России и Запада является редукцией, не более обоснованной, чем, например, объяснение причин противостояния СССР (особенно до 1953 г.) с капиталистическими или национал-социалистическими странами исключительно и по преимуществу «борьбой за ресурсы».

П.Б. Салин совершенно справедливо отмечает, что «на уровне официального дискурса проблема национализации элиты стала подниматься в 2012 г., когда этот концепт был публично озвучен, а затем переведен в юридическую плоскость». Он же пишет о значительном сопротивлении «самого «объекта» — национализируемой элиты» [12]. Проблема национализации элиты, хотя и значимая сама по себе, все же является частью, которая не может восполнить отсутствие более общих стратегических оснований развития общества. Но следует обратить внимание, что с момента мюнхенской речи В. Путина и простого официального озвучивания связанных с нею практических следствий прошла целая пятилетка.

Показательна констатация того, что антиглобалистский тренд («многополярное мироустройство») в настоящий момент, т. е. более чем через 14 лет после речи В. Путина в Мюнхене, «не имеет даже самого общего политического абриса», не говоря уже о «детерминированном проекте» [13]. Вполне справедливо утверждение П.Б. Салина, который видит ключевую проблему российской политической системы в том, что «у российской элиты нет «стратегии выхода» (exit strategy) внутри страны, причем, это справедливо как для ситуации до 2014 г., так и после нее» [14].

Разумеется, если старательно избегать констатации именно идеологического, принципиального характера конфликта России и Запада, то в подобной пустоте нет ничего удивительного.

Подобное положение является прямым следствием межеумочного идейного состояния значительной части российских политических элит, которые, с одной стороны, силой сложившихся реалий вынуждены отстаивать свое существование, с крайней неохотой ввязываясь в детерминированное противостояние с Западом; с другой — оказались не способны сформулировать связные политические и идеологические принципы упомянутого противостояния, их стратегический смысл, которые наложит жесткие ограничения, в первую очередь, на них самих.

Наглядно идейная нищета российской политики проявилась, в частности, во время событий на Украине. Политический национализм в упомя-

нотой стране культивируется длительный период и основывается на связной системе взглядов и ценностей. Несмотря на всю примордиальную примитивность и очевидную дегенеративность данной мировоззренческой и идейной системы, она служит основой консолидации для части украинских элит и миллионов граждан этой страны. Вопрос в том, какую последовательную систему взглядов и принципов на практике продемонстрировала в конфликте на Украине российская политическая элита?

Однако сказав «а», российские элиты, пусть и с огромной неохотой, должны говорить «б». Претензии на национальную субъектность, через тему «национализации элит», детерминированно привели к «введению в официальный дискурс» идеи отказа от контролируемых Западом платежных систем и доллара (<https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5af1b9ce9a79478bd3ebfec7>).

Ошибочной, причем принципиально ошибочной, является установка, согласно которой главная задача развития России — стать как можно скорее лидером экономической гонки постиндустриальных обществ, по крайней мере, находиться на уровне лидеров. Не рассматривается возможность того, что современная Россия по объективным причинам в принципе может оказаться не способной к такой почетной и заманчивой роли. Подавляющее большинство стран

никогда не являлись лидерами технологического развития, однако могли существовать, развиваться, быть субъектами международной политики (юридическая субъектность ничего в данном аспекте не определяет), иметь будущее, в конце концов. С потерей же идейных, ценностных и социо-культурных ориентиров любое, даже вполне или относительно материально успешно развивающееся общество, обречено на поглощение или подчинение теми, кто подобными ориентирами располагает.

Поэтому первостепенная задача выживания России (а задача все больше сводится именно к этому) связана с трансформацией существующих элит, приобретением властью устойчивых идеократических оснований. Тут нужно сделать оговорку, что, по мнению автора, идеократическая форма правления возобладает в России (и не только в ней) в обязательном порядке. Вопрос в том, какие ценностные и мировоззренческие установки эта идеократия будет разделять и навязывать обществу и неправящим элитам. По большому счету, возможны только две модели, одна из которых будет ориентирована на субъектность российских политических элит, другая, по факту, эту субъектность будет уничтожать и, как следствие, уничтожать субъектность России как независимого государства и самобытной многонациональной цивилизации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Миллс Р. Властвующая элита. М.: Издательство иностранной литературы; 1959.
2. Бойко С.И. Политическая амбивалентность элиты как капитал революции. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2018;8(2):31–36.
3. Итиуридзе Л.А. Основные проблемы теории «Правящего класса» Газетано Моски. *Вестник РУДН, серия Социология*. 2001;(2):30–36.
4. Купрещенко Н.П. Феномен бедности в современной России как угроза социально-экономической стабильности. *Вестник Московского университета МВД России*. 2020;(6):287–290.
5. Шатилов А.Б. «Моральный износ» власти как фактор дестабилизации политических режимов. *Власть*. 2020;28(4):13–14.
6. Шатилов А.Б. «Моральный износ» власти: протесты охватывают регионы России. URL: <http://realtribune.ru/news-authority-5784>.
7. Сургуладзе В.Ш. Опыт западных научно-образовательных структур по формированию лояльных кадров из числа прошедших стажировку иностранцев. *Проблемы национальной стратегии* 2015;(6):82–99.
8. Салин П.Б. Ключевые проблемы политической социализации обучающихся в РФ иностранных студентов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):14–18.
9. Шатилов А.Б. Формирование концепта государственного патриотизма в России в период 2000–2017 гг.: Основные этапы и базовые идеологемы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2017;7(3):18–23.
10. Салин П.Б. Национализация элиты в России в 2010-е годы как элемент страховки политемисемы от реализации деструктивного сценария. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;(9):13–18.

REFERENCES

1. Mills R. The Ruling Elite. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury; 1959.
2. Boyko S.I. Political ambivalence of the elite as the capital of the revolution. *Gumanitarnye Nauki.Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2018;8(2):31–36.
3. Itiuridze L.A. The main problems of the theory of the “Ruling class” Gaetano Mosca. *Vestnik RUDN, seriya Sotsiologiya*. 2001;(2):30–36.
4. Kupreschenko N.P. The phenomenon of poverty in modern Russia as a threat to socio-economic stability. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2020;(6):287–290.
5. Shatilov A.B. “Moral wear and tear” of the authorities as a factor in the destabilisation of political regimes. *Vlast*. 2020;28(4):13–14.
6. Shatilov A.B. “Moral wear and tear” of the authorities: protests cover the regions of Russia. URL: <http://realtribune.ru/news-authority-5784>.
7. Surguladze V. Sh. Western scientific and educational structures experience the formation of loyal personnel from among the foreigners who have undergone training. *Problemy natsional'noy strategii*. 2015;(6):82–99.
8. Salin P.B. Key problems of political socialisation of international students studying in the Russian Federation. *Gumanitarnye Nauki.Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(4):14–18.
9. Shatilov A.B. Formation of the concept of state patriotism in Russia in the period 2000–2017: Main stages and basic ideologemes. *Gumanitarnye Nauki.Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2017;7(3):18–23.
10. Salin P.B. Nationalization of the elite in Russia in the 2010s as an element of the political system's insurance against implementing a destructive scenario. *Gumanitarnye Nauki.Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;(9):13–18.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Иванович Сперкач — кандидат исторических наук, старший преподаватель Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
sperksperk@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexander I. Sperskach — Cand. Sci. (Historical Sciences), Senior Lecturer, Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
sperksperk@yandex.ru

Статья поступила 20.03.2021; принята к публикации 15.04.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.03.2021; accepted for publication on 15.04.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.